

ГУМАНИСТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ПРЕДУНИВЕРСАРИЯ РГГУ

2

От главного редактора:

Уважаемые читатели!

Перед вами новый выпуск литературно-художественного журнала Предуниверсария РГГУ.

Большое спасибо авторам, которые поделились своими работами. Я очень рада, что вас становится больше.

Спешу сообщить, что мы не прощаемся с вами до осени. Журнал продолжит выходить и летом, только в цифровом формате.

Напоминаю, что работы для следующего выпуска, а также ваши вопросы, отзывы и предложения о журнале можно прислать на электронную почту, которая указана на последней странице.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Анастасия Андреева, Анастасия Рыжова

«Когда метро везёт по кругу...»

Анастасия Рыжова «Зритель пламенных сердец»

Софья Д. «Порог»

Саша Е. «моя милая, я почти графоман...»

«I wish the sun would never leave the sky of my hometown...»

«в вагоне восемь пассажиров...»

«hold my hand and let me know...»

Александр Андреев «Судьбою жизнь определима...»

Арсений Сухарев «Осенним днём...»

Денис Бобров «Песня одинокой скрипки в пустом зале»

«Море»

Дмитрий Мацнев «Горели алым небеса...»

«Послушен лунный луч стеклу...»

«Там, где камни истёсаны взглядом...»

«Усталый серп Венеры вижу...»

Анонимный автор «И вот, все тихо испарилось...»

Анонимный автор «Федр»

Анонимный автор «ворочаться в бессоннице...»

ПРОЗА

Елизавета Стриж «Метель из колокольчиков»

Анастасия Андреева

Анастасия Рыжова

Когда метро везёт по кругу,
Кольцо смыкая в час утра,
Ступаю на платформу с духом,
Что ждёт экзамена пора.
Трепещет сердце в ожиданье,
Но страх уходит без следа,
Сменяясь тихим ликованием:
Вхожу — вот здесь моя судьба!

Вы показали прошлого картины,
В великий мир вручили нам билет.
Первых экзаменов написанных вершины,
И первого проекта в жизни свет —
Всё было здесь, в кругу друзей и знаний,
Где спор кипел и замирал восторг,
Где каждый миг нас штопали из благодатных тканей,
Где каждый свой: и ученик, и педагог.

Изменит вскоре и мелодия своё звучанье,
Сыграет музыка донныне неизведанной поры,
Ведь мы уйдём, оставшись лишь в воспоминаньях.
Придут другие, не совсем как мы.

Но нас не позабудьте, слыша шорох
Покинем вас мы неспеша
Замрем на стенах коридоров,
Ведь в них живет наша душа!

И пусть финальный час звенит прощаньем,
Экзамен снова нам тревожит дух,
Но в сердце нет иного состоянья,
Кроме безмерной благодарности,
О кой мы скажем вслух.

Спасибо Вам, учителя, наставники и мастера!
За трепет первых встреч, за мудрость и терпенье,
За то, что в нас поверили, сказали нужные слова
И подарили главное — стремление.

Спасибо Вам за каждый прожитый урок,
За тишину библиотек и звонкость споров.
Я не прощаюсь — это лишь порог,
Ведь с Вами навсегда вне коридоров.

В РГГУ сей вечный круг,
И в нём наш Пред — он самый лучший,
Он сердцу мил, как верный друг
Его благодарим за этот век для нас уже минувший!

Анастасия Рыжова

«Зритель пламенных сердец»

Я зритель пламенных сердец,
И в этом званье — моя сила.
Пускай учёбы злой венец —
«Олимпиадный бездарь»
Грызёт уныло за неудачный след...
Я знаю то, в чём не бездарна.
Мне дорог бархатный партер,
Где зал так торжественен и старен!

Не о себе бы написать —
О тех, кто светит сквозь экраны,
Кого могу я увидеть
На подмостках в ветхих брюках и кафтане.
Они — не просто старые мужи,
Они хранят в морщинах мудрость.
Им не нужны уже рубли,
В их взгляде — вечность, боль и чувство.

Там нет фальшивых, громких слов,
Там дышит правда, а не сна тревоги.
Они — актёры, чей каждый миг и вздох
На сцене — это настоящей силы своды!
Мне хочется рассказать об этом многим,
Но не хватает сил и взрослой правоты...
Пусть чудеса свершаются не человеком новым,
А теми, кто этой жизнью шит.

Самые счастливые часы,
Что дарит мне воображение, —
Вот здесь, у края полосы,
Где светят рампы и техника медленно движенье.
Я растворяюсь до слезы,
Ловя малейший, тонкий знак.
Он гонит прочь дневные смуты.
Им рукоплещет тишина
За прожитую кем-то муку.

За то, что, выйдя на поклон,
Они кивают мне — зрителю живому.
И сидя в зале, который чем-то ослеплён,
Я благодарна им, как дому,
Где безопасно и тепло,
Где учат мудрости без скуки.
Искусство душу облекло
В невидимые эти руки.

Софья Д.
«Порог»

«Заходи, не стесняйся!»
Сказала она,
Положив мне на плечи свои рукава.

«Ну, не мешкай», Волшебна!...
«Давай торопись!»
Руки вниз.
За предплечья они вдруг взялись.

«Ты же знаешь, что я...
Я всегда понимала.
Но...» она вдруг замялась:
«тебе не сказала».

«Не сказала чего?»,
Я шепчу, торопясь.
Руки снова сползли,
Чтобы к кистям припасть.

Она смотрит в меня,
Я гляжу ей в ответ.
Говорят, что смелей
Ничего в мире нет.

И не важны слова,
И бурлит в жилах кровь,
Потому что, на свет
Появилась любовь.

Саша Е.

моя милая, я почти графоман
я давлЮ из себя все соки,
дан мне дар, скажи? дар то мне дан?
я с собой говорю через склоки.
словно пес на цепи, словно тот доберман,
я сижу и пускаю слюни:
дан мне дар, скажи, дар-то мне дан?
и отдай же мне медные пули.
я о чем? ни о чем. граммофон-графоман,
о тебе все пишу и плачу:
ну скажи мне уже, дар-то мне дан?
и тебя больше не озадачу.
пулю к пуле пихаю в карман.
нагрудный, чтоб ближе к сердцу.
говори же, скажи: дар-то мне дан?
твое слово лишь даст мне согреться.
моя милая, я почти графоман,
мне плевать, что скажут другие:
но а дар-то, скажи, всё-таки дан?
только ты, остальные - слепые.
твоё чистое «да» бы убило туман,
хотя знаешь, талант мне неважен:
я уже графоман и тот дар мне не дан,
но ты, милая, краше и краше.

I wish the sun would never leave the sky of my hometown;
I wish my neighbours wouldn't feel uptight the whole year round.
I wish I wouldn't have to check if all my friends're alive;
I wish those people had a chance to live a happy life.
I wish I wasn't made to read the breaking news out loud;
I wish I could just go to sleep and sleep with none of doubt.
I wish those candles on my cake could make my dreams come true;
I wish the world would lift the fog and see the sunlight through.

в вагоне восемь пассажиров:
считаю: два, четыре, шесть...
собачка с тетей - это мило,
твой взгляд на коже - это лесть
я бы купила эту шубу,
откуда бы её достать
ты смотришь на меня, на дуру,
ты ждешь - я не умею ждать.
чертановская, нет нескоро
мне ехать двадцать-двадцать пять
минут, ты беспокоишься, я - повод
желания исповедь взыскать.
я начинаю, слово, слово
а поезд красят к Рождеству,
я слово, слово, слово снова
скажу тебе, тебе скажу.
в вагоне восемь пассажиров;
«я не желала жить тогда»
собачка с тетей - это мило;
«а впрочем, это - ерунда»

hold my hand and let me know,
if you're feeling it
never ever let me go,
never stop, indeed,
hold my hand and kiss me twice
right before you leave,
give me love of strong and wise
woman of my dreams.
laugh out loud and look at me,
put your head on mine;
shivers you could barely see
gonna make me cry.
I imagine it all days,
nights and nights again:
when your hand in mine hand lays,
I assume "we can".

Александр Андреев

Судьбою жизнь определима,
Надежд не стоит ждать часы.
Мечта порой недостижима
В объятии нежном пустоты.

Время идёт, и жизнь проходит,
Проходит также юный лик.
Душа покоя не находит,
И жизнь предстала словно блик.

Ценить моменты невозможно
Той жизни, кою строишь сам.
На что надеешься? — всё ложно,
Ведь нет здесь места чудесам.

Не надо жить в своём обмане,
Коль не веришь сей мольбе.
Если весь мир не так ужасен,
То испытай всё на себе.

Арсений Сухарев

«Осенним днём...»

Осенним днём всё так же зябко,
Как было это год назад,
И по доске елозит тряпка,
А на иной ставится мат.

Не там, где чувства проходили,
Желаем вновь их обрести,
Но ту доску уже помыли, —
Домой все начали брести.

И снова шахматы — всё в школе,
Ребятам в радость поиграть,
Кому-то снова поневоле
Доску придётся протирать.

Не думайте, что жизнь циклична:
Ведь перестанете вы жить.
И мысль эта всю жизнь вас будет
Беспричинно тяготить!

Денис Бобров

«Песня одинокой скрипки в пустом зале»

Давно умолкли в зале звуки,
Покрылась серой пылью ель.
И помнит скрипка чьи-то руки,
И ту весеннюю капель.

Творец ушёл в миры иные,
Оставив инструмент во тьме.
Она грустит в часы ночные
О невозвратной той весне.

Но вот скрипят во мраке двери,
И тень скользит по глади плит.
И гость, своей отдавшись вере,
К забытой скрипке поспешит.

Он сдует пыль, возьмёт смычок,
И вздрогнет старое нутро.
И звуков радостный поток
Подарит светлое добро.

«Море»

Давно, мой друг, не видел я стихии,
Чей гул во мне баюкал кровь и лень,
Где, как в раю, белеют паруса сухие,
Врезая киль в солёную ту синь.

Я разучился отличать от пены
Гребни валов и слушать чаек стон.
Лишь в душной мгле припоминаю стены,
Где Айвазовский свой оставил сон.

Там лунный свет дорожкой серебрится
На глади вод, не знающей оков,
Там в дымке туч летит ночная птица,
Мелькая тенью над главой Богов.

А я всё жду, когда же вместо пыли
И тесноты бесцветных городов
Мне грянет в грудь тот ветер, что мы любили,
Иль глянет луч из феодосийских льдов.

Хочу к волнам. Туда, где кисть бессильна
Сдержать порыв, где дышит глубина,
Где даже буря кажется умильной,
И вечность спит, в лазурь погружена.

Дмитрий Мацнев

Горели алым небеса
И гроздь звезд скудели соком.
В день отпускали голоса,
Шептали в травах о высоком.

Там тает утренний туман,
Дразня росой на косогорах,
Туда уходит караван
Лет, проведенных в разговорах.

Их не вернуть, не удержать,
И взгляд, упавший на доспехи,
Напрасно тщится отыскать
В пыли побед златые вехи.

Былых друзей в строю имен
Распались в крошево твердыни.
Так волокни соху времен
Слепые пахари гордыни.

Послушен лунный луч стеклу:
Дрожал, дробился, преломлялся.
И в переулочную мглу
Тысячелунный свет вполетался,

И облегал, и облекал
В незримый безвоздушный кокон,
И безучастно созерцал
Прощальный строй московских окон

Как шёл, как уходил поэт.
Ступала ночь ему вослед.

Там, где камни истёсаны взглядом,
Там, где долу перечат ветра,
Под твоим неусыпным приглядом
Упокой меня, степь, до утра.

Не искать потаённое счастье,
Стать чужим для забав и затей,
И не помнить, как пьют из запястий
Душу цепкие путы путей.

Усталый серп Венеры вижу
И талый прошлогодний снег.
Не предварю и не приближу
Не мне определённый век.

За неизбежностью финала,
Перед одной из ста дверей
Проступит в зеркале канала
Мираж погасших фонарей.

И снова будет серп Венеры,
И снова будет таять снег...
Без счастья, без любви, без веры
В однажды предопределённый век.

Анонимный автор

И вот, все тихо испарилось,
Ты веришь, солнце? — Не совсем
Оно, собрав все вещи, скрылось,
Тебя оставив и затем
Пошло гулять, на волю, к звездам,
Но просьбы не было уйти,
Зачем все было несерьезно?
Зачем там не было любви?

Влюбиться навсегда и веки
Сомкнуть нельзя от чувств больших,
Ты снова в этом человеке,
Затем, что любишь за двоих,
Затем, что оторвать не можешь
Забывать, закрасить, съесть, запить,
Затем, что ты себя обложишь,
Не сможешь вырвать и убить.

Анонимный автор

«Федр»

Прекрасная девочка!
Я к тебе обращаюсь.
Вполне вероятно, дразня в тебе скуку и жалость.
Подумаешь.
Словно я самый оракул дельфийский.
Словно я тебе друг, и, при прочем, достаточно близкий.
Слишком нудно?
Отнюдь.
Для меня это все так непросто!
Говорилось про дух, про какой-то особенный воздух.
Ничего не пойму.
Ну и ладно.
Я смысл вполне уловила.
Слишком собственный, правда — но что же,
Хотя бы не гнев, не Ахилла.
Хочешь богом побыть?
На выбор все древо — взбирайся!
Только тихо, пожалуйста — ну, ты уж там постарайся...
Я не знаю пока, что ответить, как быть.
Развлекайся.
Все так странно.
Туманно.
Органно.
Я в ванной
Почему-то смотрю на себя, и ищу недостатки.
Слишком темная? Светлая? Нос недостаточно гладкий?
Слишком руки сильны? А характер не гадкий?
Может быть.
Я исправлюсь.
С руками помучаюсь знатно.
А характер-то, господи, в слив запихну безвозвратно.
Если очень захочешь, то, может, достану обратно.
Но не стоит!
Мне кажется, что не поможет.
Я бы много чего, по правде сказать, убрала из-под кожи.
Хочешь что-то?
Пожалуйста, все — безвозмездно.
ТЬфу, заладила, рожь, сорняки да какая-то бездна...
Осторожно!
Я что-то да знаю ведь тоже.
Вот, к примеру, читаю про снег — не по-детски корежит.
Все неправильно.
К черту.
Иль к воронам, как же там было?
После эс шел винительный. К счастью, не все я забыла.

Анонимный автор

ворочаться в бессоннице
и утопии мыслей
мне нету смысла
кажется время свернулось в клубочек
первый звоночек
и снова уязвлена одиночеством
мне хорошо теперь
мне так спокойно теперь
в речи моей излишек точек
второй звоночек
влюбленность внутри себя я скрываю
мне не хватает
тепла не хватает
люди распались до оболочек
третий звоночек
последний звоночек
есть ли путь назад.

Елизавета Стриж

«Метель из колокольчиков»

В столице префектуры день Объединения праздновался всегда с размахом: танцы, представления, ещё раз танцы, концерт от двора даймё, конкурсы, запуски воздушных змеев и наиболее длинный пир за весь год. Женщины заказывали лучшие кимоно и сооружали сложнейшие причёски; мужчины же украшали город.

Для последней и самой важной задачи привлекались так же и охотники, чтобы ни один демон не помешал величайшему празднеству. Нанимал их двор, а по выполнении работы одаривал ненужными, дорогими безделушками, которые потом охотниками продавались или обменивались на более ценные вещи.

В этот раз с вознаграждением получилось неловко. Аои стояла посреди внутреннего двора резиденции даймё, сжимая в руках небольшой, но на удивление тяжёлый мешочек из пурпурного шёлка, и чувствовала, как внутри неё закипает бессильная ярость. Рядом, прислонившись плечом к старому кедру, Рюдзи лениво перекатывал в пальцах такой же мешочек, и на его обычно невозмутимом лице читалось выражение, которое Аои мысленно определила как «философскую скуку пополам с разочарованием».

— Две дюжины демонов за неделю. — произнесла она, и голос её, высокий и звонкий, предательски дрогнул. — Две дюжины, Рюдзи-сан. И всё, что мы получили, — это...

— Нефритовая подвеска и дюжина крохотных серебряных колокольчиков на алых шнурах. — Рюдзи ухмыльнулся, запрятав мешочек в складках кимоно и усмехнулся: — Говорят, нефритом на юге печи топят. Может, нам тоже попробовать?

Аои хмыкнула, поправила съехавшую набок заколку и закрыла лицо руками, издав что-то наподобие рыка.

— И что нам с этим делать? — глухо спросила она.

Рюдзи оттолкнулся от ствола кедра и, потянувшись так, что хрустнули позвонки, небрежно бросил:

— Идти к госпоже Тос, разумеется.

Охотники двинулись вдоль окраины весёлого города, рассматривая яркие гирлянды, величественные причёски дам и вдыхая ароматы чего-то жареного.

Лавка госпожи Тос располагалась в отдалении от места празднества, зажата между лавкой торговца бумагой и чайным домом с сомнительной репутацией. Аои любила это место какой-то щемящей, почти детской любовью. Здесь всегда пахло сандалом и старыми свитками, с балок свисали пучки сушёных трав, отгоняющих злых духов, а вдоль стен тянулись полки, уставленные всевозможными защитными амулетами.

Госпожа Тос находилась снаружи. Точёная фигурка в светло-жёлтой юката с вышитыми белыми цветочками, стоявшая на деревянной табуретке перед входом. Пальчики старательно завязывали узел, на котором должен был висеть фонарь. Рядом с табуретом стоял демонёнок по имени Окё, держащий в маленьких ручках красный тётин. Он жил уже полвека, но выглядел совершенно похожим на ребёнка семи лет, если не обращать внимание на рожки, вертикальные серебристые зрачки, белую кожу и пепельно-розовые волосы. Окё втянул носом воздух и в тот же миг резко развернулся к паре охотников.

— Аои-неесан, Рюдзи-сан! А мы с Тос-сан украшаем лавку! — звонко прокричал демонёнок, едва удержавшись, чтобы не выбросить фонарь и не понестись навстречу старым знакомым.

— Окё! — вскрикнула Тос. Табурет под ней пошатнулся, и женщина крепко вцепилась в балку, чтобы не свалиться.

Демонёнок, словно бы почувствовав укол стыда, быстро схватил табурет, останавливая его шатание.

— Спасибо. — кивнула госпожа, улыбнувшись и потрепав Окё по голове между рожками. — Больше так не надо делать, даже если пришли охотники?

— Угу. — кивнул Окё, всё же повернув голову к паре, замершей неподалёку.

Аои улыбнулась и подошла ближе, потрепав демонёнка по пепельно-розовым вихрам. Тот зажмурился от удовольствия — точь-в-точь довольный котёнок, если забыть о вертикальных зрачках и серых рожках.

— Вы надолго? — спросил он, заглядывая снизу вверх голубыми глазищами.

— На сколько позволит госпожа Тос, — ответил Рюдзи и, подойдя ближе, помог хозяйке спуститься с табуретки. — Позвольте помочь с украшениями? От чистого сердца, разумеется.

Тос осторожно слезла с табурета, оправила юката и окинула охотников оценивающим взглядом.

— Я слушаю. — она скрестила руки на груди и слегка склонила голову на бок. — Опять принесли что-то бесполезное, от чего мне придётся избавляться себе в убыток?

Аои молча вытащила мешочек и развязала шнур. На ладонь высыпались крохотные серебряные колокольчики на алых нитях. Госпожа Тос взяла один, взвесила, поднесла к уху — мелодичный звон рассыпался в воздухе, и Окё замер, приоткрыв рот. Потом чихнул.

— Серебро настоящее, но работа дешёвая. Подобное можно использовать только против цукумогами да и то не факт, что они его отпугнут. — проговорила Тос, возвращая колокольчик. Аои приняла его так, словно ей давали дохлую жабу. — Офуда за них я дам, но немного. Будем считать это благотворительностью в честь праздника, а пока, раз уж предложили помощь, — она кивнула на кучу ещё не развешанных гирлянд и свёртков, — беритесь за дело.

Следующие полчаса прошли в хлопотах. Аои, забравшись на табурет, крепила бумажные фонарики к балкам, пока Окё подавал их снизу. Рюдзи, неожиданно ловкий для человека его комплекции, обматывал красной тканью ствол старой сливы у входа, приговаривая, что дерево после этого наверняка решит зацвести второй раз за год от смущения. Госпожа Тос руководила процессом с видом полководца перед решающей битвой.

— Левее, Аои-тян! Нет, это право, моё лево! Окё, не носись с фонарями, порвёшь! Рюдзи-сан, ради Его Величия, не завязывайте узлы так туго — мне потом это распутывать до следующего праздника!

Когда лавка торговца амулетами стала походить на дом из весёлого квартала, единогласно было принято решение пройти внутрь и выпить чаю.

Внутри лавки царил полумрак, пахло бумагой, сандалом и травами. Госпожа Тос провела гостей в дальнюю небольшую комнату, служившую чем-то вроде кухонной зоны, где на глиняной печурке стоял видимо уже заваренный чай, а на циновках расположился низкий столик с несколькими подушками под ним.

— Вы садитесь, — Тос кивнула Аои и Рюдзи, а Окё, который почти добежал до своего излюбленного места около очага, перехватила, обхватив запястье. — а Окё принесёт кружки, верно?

— Верно! — оживился демонёнок, высвободив руку из хватки женщины, и умчался к шкафчикам.

Тос заняла место во главе стола, традиционно опустившись на колени, Рюдзи сел с самого края, вытянув ноги в сторону, а Аои скрестила ноги и положила руки на стопы.

Окё вернулся быстро, ловко расставил четыре расписанные карпами пиалы, принёс чайник и после занял своё место, расслабившись, обхватив колени руками и глядя на гостей блестящими в полумраке глазами. Госпожа Тос наполнила кружки — чай оказался с жасмином. Пар поднимался тонкими струйками.

Некоторое время молчали. Аои грела ладони о кружку, ощущая, как по телу разливается спокойное тепло, постепенно вытеснившее остатки дневной злости. Рюдзи, сделав глоток, блаженно прикрыл глаза и, казалось, едва не растаял.

— Демоны в этом году разбушевались. — негромко произнесла госпожа Тос. — Обычно перед праздником Объединения они тише воды, а тут словно с цепи сорвались. Вы, верно, неделю не спали.

— Почти. — отозвалась Аои. — Но мы своё дело сделали. Просто... — она осеклась и покосилась на Окё.

— Просто награда опять оказалась насмешкой судьбы. — закончил за неё Рюдзи. — Нефрит, который никому не нужен, и колокольчики. Безделицы для придворных дам, не для охотников. Аои-тян собиралась разрыдаться прямо во дворе даймё, еле сдержалась.

— Ничего я не собиралась! — вспыхнула Аои, но тут же сникла под насмешливым взглядом напарника.

— А мне понравились! — включился Окё, заведя руки за спину и опёршись о них, как о спинку несуществующего стула. — Они звучат, как снег!

Аои замерла, не донеся пиалу до рта. Она покосилась на мешочек, брошенный небрежно на пол, потом перевела взгляд на Окё. Демонёнок посмотрел в ответ, улыбнувшись.

— Как снег, да? — Аои улыбнулась, но гораздо мягче. Рюдзи хмыкнул. — Окё, а ты ведь знаешь, что снег ходит?

— Знаю! Он громко топает, когда с крыши спускается. Ему нравится, когда его слышат.

— Иди-ка сюда. — Аои поманила его, другой рукой беря мешочек. — Будем делать из тебя метель.

Демонёнок недоверчиво посмотрел на мешочек, но послушно поднялся и обошел стол. Госпожа Тос приподняла бровь, наблюдая за происходящим с тем особенным выражением, какое бывает у матерей, заранее знающих, чем кончится детская затея, но не желающих мешать.

Аои жестом попросила его повернуться спиной, что Окё послушно сделал. Девушка вытащила из мешочка наиболее длинные верёвки с колокольчиками и принялась ловко наматывать на рожки.

— Некоторые демоны носят украшения на рогах, но я не встречал ни одного с колокольчиками. — прокомментировал Рюдзи, поставив пустую пиалу на столик. — Поздравляю, Окё. Теперь ты первый демон с колокольчиками.

— Правда? — выдохнул тот и, когда Аои закончила с правым рожком, резко мотнул головой. Серебро зазвенело — чисто, тонко, переливчато. Окё замер на секунду, прислушиваясь к звуку, а потом расплылся в такой счастливой улыбке, что у Аои защемило сердце. — Звучит! — закричал он и закружился на месте. — Звучит-звучит-звучит! Я метель!

Рюдзи, неожиданно для всех, залиvisto по-доброму расхохотался, схватившись за живот. Окё поддержал его звонким хохотом, Тос хихикнула, прикрыв рот рукавом, Аои слегка улыбнулась.

Они просидели в лавке до самого заката, слушая звонкий топот снега и единогласно решив, что их маленький праздник Объединения удался на славу.

Гуманист

Редактор: Э.В.Резванова
Компьютерная верстка: Э.В.Резванова
rezvaeve@yandex.com

В оформлении обложки использована иллюстрация А.Матисса